

Не следует ли поставить вопрос об отражении в византийских панегириках не только традиционных топосов, но и конкретной политической идеологии?

Во второй статье Моравчик издает отрывок из хроники «Продолжателя Георгия» (у нас она обычно называется хроникой Симеона Логофета) по 13 рукописям и отрывок из неопубликованной до сих пор анонимной хроники, так называемой *Historia imperatorum* (по 4 рукописям); оба отрывка содержат предания о юности Василия I. Этому изданию предпослан тщательный анализ легенд о Василии I, сохранившихся в самых разнообразных хрониках, житиях, речах и иных литературных памятниках.

Совокупность материала позволяет Моравчику отвергнуть некоторые суждения его предшественников (см., например, критику А. Грегуара за переоценку роли Михаила III или критику Р. Дженкинза, считавшего известие Константина VII о бедности семьи Василия I литературным вымыслом) или установить новые факты (например, он показывает, что Василий I не мог родиться ранее 817 г.).

Позволю себе сделать несколько частных замечаний по поводу рецензируемой статьи. Жаль, что Моравчик рассматривает лишь легенды, касающиеся первого периода жизни Василия — до 867 г. Сохранились также легенды, относящиеся к более позднему времени: например, смерть Василия описана в некоторых памятниках (в «Псамафийской хронике» и в так называемой хронике Псевдо-Симеона) в совершенно легендарной форме.

На стр. 105 Моравчик упоминает, что «в одном житийном памятнике» Василий прямо назван убийцей Михаила III: он ссылается на «Житие Феодоры». Впрочем, на стр. 106 Моравчик приводит еще одно житие, где высказывалась та же мысль, — «Житие Василия Нового». К этим двум следовало бы прибавить еще «Житие Ирины» (AASS, Juli VI, p. 616 F) и «Житие Марии Новой» (AASS, Novemb. IV, p. 692 C). Любопытно, что антифогтианские жития («Житие Игнатия», «Житие Евариста») ничего не говорят об убийстве Михаила III.

Убийство кесаря Варды датируется не 866 г. (стр. 61), а 21 апреля 865 г.²; датировка «Жития Игнатия» 886—890 гг. (стр. 67) далеко не беспорочна, ибо в нем идет речь о преемниках Фотия (во множественном числе); Псевдо-Симеон, возможно, пользовался не «Житием Игнатия», а общим с ним источником — не дошедшим до нас памфлетом³.

А. К.

B. KREKIĆ. DUBROVNIK (RAGUSE) ET LEVANT AU MOYEN ÂGE. Paris, Monton la Haye, 1960, p. 440

Работа Б. Крекича представляет собой результат тщательного изучения как опубликованных византийских, итальянских, дубровницких источников, так, и это главное, неизданных фондов Дубровницкого архива. Данную работу можно считать расширенным и углубленным повторным изданием книги Б. Крекича, опубликованной в 1956 г.¹

Первая книга была посвящена взаимоотношениям Дубровника и Леванта в 1280—1460 гг. В настоящей работе эти взаимоотношения прослеживаются начиная с VII в., т. е. со времени возникновения города, и до 1460 г. (год падения Морейского деспотата). По собственному признанию автора, настоящая работа охватывает «все средние века» (стр. 7). Таким образом, 1460 г. является, по мнению Б. Крекича, концом средних веков для стран интересующего его района. Последнее не очень убедительно: неясно, почему падение Морейского деспотата означало конец средневековья одновременно и для Дубровника, и для районов Леванта?

В отличие от работы 1956 г., написанной на сербо-хорватском языке, в настоящем издании, вышедшем на французском языке, Б. Крекич вместо названия Дубровник вводит название Рагуза, исходя при этом из двух обстоятельств. Во-первых, это название употреблялось в официальных актах того времени, а во-вторых, латинское название более привычно, чем славянское для западного читателя, для которого в первую очередь и предназначено французское издание.

В понятие Левант Б. Крекич включает те районы, которые разумели под этим названием сами дубровчане. Для них Левант начинался с выхода в Адриатическое море, т. е. у острова Корфу, захватывал побережье Эпира и обширную территорию на юг и восток вплоть до Черного моря, а также Сирию и Египет.

Так как наибольшее количество документов Дубровницкого архива относится к 1280—1460 гг., то естественно, что автор и здесь основное внимание уделил именно этому периоду, которому, как уже говорилось, первая книга была посвящена целиком. Однако в настоящей работе некоторые вопросы ставятся по-иному и отчасти включен новый документальный материал. Так, особо рассмотрены вопросы о морских

² G. Ostrogorsky. *History of the Byzantine State*. Oxford, 1956, p. 206.

³ Ф. М. Россейкин. Первое правление Фотия, патриарха константинопольского. Сергиев Посад, 1915, стр. 5, прим. 3.

¹ Б. Крекич. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956.

и сухопутных коммуникациях, о продолжительности путешествий с торговыми целями, о сезонности их, о структуре и характере специальных торговых компаний, о монете, циркулировавшей в Дубровнике. Специальный раздел посвящен торговым связям с Сирией и Египтом. Значительное внимание уделено вопросу о пребываниях, временных и постоянных, левантийцев — купцов, дипломатов и лиц иных профессий — в Дубровнике и дубровчан на Леванте.

Для византиниста значительный интерес представляют выводы Б. Крекича о взаимоотношениях Дубровника с Византией. Торговые и политические связи Дубровника с Левантом, в том числе и с Византией, особенно оживляются с 1390 г. В XV в. Арта и район Коринфского залива занимают первое место среди областей Леванта в импорте зерна в Дубровник.

Если при рассмотрении экономических отношений Дубровника и Леванта Б. Крекич строит свои выводы в основном на материалах Дубровницкого архива, то в очерке, посвященном политическим взаимоотношениям Дубровника с Левантом начиная с VII в., автор широко использует также византийские источники и дубровнические хроники. Подчинение Дубровника Византии Б. Крекич рассматривает как полностью соответствовавшее интересам города (стр. 19). Однако этот вывод, высказанный в столь категорической форме и не подкрепленный достаточными доказательствами, не очень убеждает. Падение Византии под ударами крестоносцев лишило Дубровник ее защиты и поставило перед необходимостью принять супрематию Венеции, что и произошло в 1205 г. По мнению Б. Крекича, жители Дубровника, избрали «единственно в данной ситуации возможное решение» (стр. 24).

Последнее утверждение представляется спорным. Неясно, в какой мере это решение устраивало различные социальные круги населения Дубровника. Н. П. Соколов, например, склонен считать, что установление венецианской супрематии отвечало интересам лишь определенной провенециански настроенной группировки городского патрициата².

В разделе, посвященном политическим взаимоотношениям Дубровника с Левантом, встречаются немногочисленные и краткие замечания, касающиеся социально-экономических отношений в Дубровнике (например, на стр. 22—23 говорится об экономическом и социальном прогрессе города в XII—XIII вв.; на стр. 39 — о появлении в XIV в. городской буржуазии). Думается, однако, что работа значительно бы выиграла, если бы характеристика социально-экономических отношений в Дубровнике была более подробной и содержалась в разделе об экономических взаимоотношениях Дубровника с Левантом. Это дало бы возможность представить историю экономических взаимоотношений Дубровника и Леванта в тесной связи с экономическим и социальным развитием города, и, следовательно, конкретная историческая действительность получила бы более точное отображение. Многочисленный и богатый сведениями материал источников, которым располагал Б. Крекич, позволяет также глубже осветить некоторые экономические проблемы, чем это сделано автором. Например, поставленный им вопрос о продолжительности путешествий с торговыми целями может приблизить к пониманию чрезвычайно существенного для характеристики торговли вопроса об обороте торгового капитала. А этот вопрос в свою очередь следовало бы связать с проблемой торговых цен, которая трактуется автором совершенно обособленно.

В приложении содержится краткая характеристика состояния фондов Дубровницкого архива и регесты документов, касающихся взаимоотношений с Левантом. Всего упомянут 1431 документ за 1199—1460 гг. В конце помещен общий указатель.

Хотя некоторые проблемы и не нашли своего отражения в рецензируемой работе, а проблема экономических взаимоотношений Дубровника с Левантом трактуется в отрыве от социально-экономических сдвигов в городе, книга Б. Крекича в своем новом, расширенном и улучшенном издании, безусловно, представляет большой интерес для специалистов как по истории Дубровника, так и по истории Византии, а также для исследователей истории других районов Леванта.

К. Х.

И. МАНКЕН. ДУБРОВАЧКИ ПАТРИЦИЈАТ У ХІV ВЕКУ.

Београд, 1960 (Српска Академија наука и уметности.

Посеба издава, књ. СССХL, Одељење друштвених наука, књ. 36)

Литература, посвященная Дубровнику, продолжает расти, внимание историков по-прежнему привлекает характеристика дубровницкой торговли, однако наметился интерес к проблемам городского ремесла¹ и социальных отношений². Среди

² Н. П. Соколов. Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником. «Уз Горьковского пед. ин-та», 1950.

¹ D. Roller. Dubrovački zanati u XV i XVI stoljeću. Zagreb, 1951.

² В. Винавер. Ропство у старом Дубровнику (1250—1650). ИП, I, 1954; его же. Црно робље у старом Дубровнику (1400—1600). «Историски часопис» год. V, 1955.